

Е Шу спросил шепотом: "Вы не собираетесь меня наказывать?".

Он был таким послушным и милым, что Цзинь Ван не мог не ущипнуть его за щеку и рассмеялся: "Тебе не обязательно быть в Департаменте Благоразумия, чтобы быть наказанным."

"Иди ложись на кровать, Гу лично проверит тебя."

-

Через несколько минут Е Шу, одетый в тонкую одежду, лежал на кровати, обняв одеяло и свернувшись в клубок, его спина слегка подрагивала.

Цзинь Ван сидел на кровати, держа в руках тонкую бамбуковую плетель, один конец которой нежно скользил по спине Е Шу. "Холодно?"

Е Шу задрожал еще сильнее. "Н-не холодно..."

Драконья кровать императора была покрыта несколькими слоями фланелетовых одеял, мягких и уютных, с горящими земляными драконами внутри комнаты, идеальная температура, ни жарко, ни холодно.

Е Шу, естественно, не было холодно, он боялся.

Фигура молодого человека на кровати была хрупкой и тонкой, он выглядел невероятно крошечным, свернувшись калачиком, его тонкие запястья высывались из наручников, сжимая одеяло так сильно, что костяшки пальцев побледнели.

Глаза Цзинь Вана на мгновение уставились на запястье белого лотоса, а затем отвели взгляд. "Ты знаешь, что ты сделал не так?"

"....." По правде говоря, Е Шу и сам хотел знать. Что же именно он сделал не так?

Е Шу задумался на мгновение и с трепетом сказал: "Этот субъект не должен... не должен видеть Ваше Величество, не кланяясь, говорить в ответ и называть Ваше Величество по имени."

Цзинь Ван только молча посмотрел на него и ничего не ответил.

Е Шу также посмотрел на него на мгновение и продолжил шепотом: "...И не должен говорить плохо о Вашем Величестве за его спиной, называть его собакой и говорить, что Ваше

Величество не так хорош, как А-Ван, которого я воспитывал раньше."

Цзинь Ван по-прежнему ничего не говорил. Е Шу забеспокоился и сказал: "Действительно, я больше ничего не делал в последние несколько дней!"

"....."

Е Шу в отчаянии плюхнулся обратно на подушку. "Просто ударьте меня".

В зале было так тихо, что было слышно, как капает булавка. Е Шу почувствовал, что человек, сидящий рядом с ним, встал. Уголком глаза он увидел, как молодой император держит бамбуковую плеть, легонько постукивая ею по ладони, и мысли его помутились.

Легкий звук удара бамбукового хлыста по ладони был подобен удару по сердцу Е Шу.

Время шло секунда за секундой.

Е Шу отвел взгляд.

Затем Цзинь Ван внезапно сказал: "Ты должен был двадцать ударов раньше, плюс эти тридцать сегодня; в общей сложности пятьдесят ударов."

"Гу не будет снисходителен".

Бамбуковый хлыст резко прорезал пустоту, и в воздухе раздался резкий звук. Е Шу вздрогнул и внезапно откатился в сторону вместе с одеялом. "Я был неправ, вы можете делать со мной все, что хотите, только не бейте меня!!!"

без колебаний крикнул он и, открыв глаза, обнаружил, что бамбуковый хлыст в руке Цзинь Вана, который он держал минуту назад, уже отведен в сторону, не собираясь его бить.

Цзинь Ван посмотрел на него и неожиданно рассмеялся: "Так ты выглядишь гораздо симпатичнее".

Е Шу настороженно посмотрел на него.

Цзинь Ван отбросил бамбуковую плеть в сторону и снова сел на кровать, вздохнув, сказал: "Е Шу, неужели ты даже не хочешь встретиться с Гу со своей истинной стороной, только когда Гу тебя так напугает?"

Е Шу был ошеломлен.

Цзинь Ван наклонился и поднял голову, его глаза слегка потемнели. "Ты сказал, что готов на все, лишь бы тебя не ударили?"

"..... Скажи Гу правду, ты бы согласился?"

Е Шу повернул голову в сторону, его голос был слабым: "Этот субъект не понимает, о чем говорит Ваше Величество".

Цзинь Ван отпустил его и насмешливо усмехнулся: "Иногда Гу предпочел бы, чтобы ты проклял еще несколько раз, чем видеть, как ты ведешь себя так перед Гу".

"Настоящий ты никогда бы не использовал наше прошлое как разменную монету, чтобы получить преимущество".

"Настоящий ты никогда не позволил бы себе смириться и пойти на уступки ради своих интересов и проявить мягкость и слабость, когда Гу делает что-то, что нарушает твои интересы".

"Е Шу, Гу знает тебя уже много лет и давно понял, что ты за человек".

"Ты не должен быть таким".

В зале на некоторое время воцарилась тишина. Е Шу медленно поднялся с кровати и спросил низким голосом: "Что Ваше Величество... намеревается сделать со всеми этими заявлениями?"

Цзинь Ван стоял у окна и неподвижно смотрел на него, медленно произнося слово за словом: "Гу просто хочет знать, что с тобой произошло, что изменилось за эти три года, и почему ты стал таким, какой ты есть сейчас".

Даже в этот момент его тон все еще оставался снисходительным.

Это не было обращением между друзьями или любовниками, это был жест абсолютного повеления, который заставлял людей перед ним подчиняться.

Глаза Е Шу сузились, казалось, он размышлял.

Цзинь Ван тоже не спешил его подгонять. На мгновение они замерли, а потом Е Шу неожиданно сказал: "Я понимаю".

"Ваше Величество имеет в виду, что в этом мире все еще существуют заклинания, способные изменять форму и внешность человека и даже манипулировать его душой?"

"Вы думаете, что мной манипулировали эти три года, или что я был просто..... другим человеком?"

Кончики пальцев Цзинь Вана, спрятанные в его рукавах, слегка дрожали.

"Таких вещей не существует. Цзинь Ван, хватит мечтать", - Е Шу поднял голову и посмотрел на Цзинь Вана. "Этот человек десять лет назад был мной, и этот же человек три года назад тоже был мной. Я не изменился и не смогу измениться в будущем".

Е Шу сидел на кровати на коленях, его мягкий и робкий вид с минуту назад уже исчез.

"На самом деле, вы просто верите в собственную ложь", - тускло сказал он. "Вы отказываетесь верить, что я предал вас; чем больше вы расспрашиваете и допытываетесь, тем больше подозрений у вас возникает".

"Вы говорите себе снова и снова: "Должно быть, что-то изменилось во время всего этого, и это не он предал меня"".

"Поэтому вас тошнит от того, что я вспоминаю прошлое. Вы думаете, что я просто использую его, чтобы оправдать кого-то, о существовании кого вы не знаете".

"Правда в том, что я действительно хочу быть оправданным. Во всяком случае, для себя".

Е Шу мягко рассмеялся и спросил риторически: "Я устроил заговор с целью восстания. Ничто не может смягчить такое преступление. После того, как дело было раскрыто, я должен придумать, как оправдать себя, не так ли?"

Глаза Цзинь Вана налились кровью. "Ты не боишься, что Гу убьет тебя?"

"Может быть, если я не буду так говорить, вы не убьете меня?" сказал Е Шу. "Весь этот месяц моя жизнь постоянно висела в ваших руках, и малейшая неосторожность заставит вас схватить меня за ручку и дразнить всеми возможными способами".

"За кого ты меня принимаешь, за игрушку?"

"Цзинь Ван, вы говорили мне не изображать и не притворяться перед вами, но если бы я этого не делал, разве смог бы я дожить до сегодняшнего дня?"

"Тогда как насчет вас, вы когда-нибудь говорили полуправду передо мной?"

От его слов цвет лица Цзинь Вана побледнел. Он закрыл глаза и холодно сказал: "Убирайся".

Е Шу не двигался.

Цзинь Ван: "Не позволяй Гу повторять это дважды, убирайся!"

Е Шу встал с кровати, надел плащ, не спеша отдал честь и вышел.

Он не стал заходить далеко, а лишь постоял на открытом пространстве за пределами зала.

Дверь зала медленно закрылась за Е Шу, и он вздохнул с облегчением.

Сегодняшняя драма была слишком опасной.

Цзинь Ван уже почувствовал, что он отличается от первоначального владельца. Вместо того чтобы позволить Цзинь Вану продолжать строить догадки, строить подозрения и искать доказательства, он должен был сам пресечь эти мысли.

Все действия Цзинь Вана в эти дни были результатом его нежелания верить в то, что первоначальный владелец предал его.

Е Шу не только разрушил все прежние притворства, но и вырвал последнюю надежду в сердце Цзинь Вана.

Самое смешное, что даже если бы он рассказал ему все факты, Цзинь Ван все равно не смог бы его убить. Просто наказать его за то, что он стоял снаружи, это было ничтожно мало.

Если бы это было месяц назад, то Е Шу мог бы чувствовать себя виноватым. Разрушить надежду человека было самой жестокой вещью из всех.

Но кто позволил этому псу-императору так мучить его. Это его заслуга.

Холодный ветер пронесся по залу, и Е Шу плотнее закутался в плащ, придя к этой мысли.

-

В мгновение ока небо постепенно потемнело, но в зале по-прежнему не горели лампы.

Цзинь Ван сидел в одиночестве, его красивый лик скрывался в темноте, впалые глаза были мрачными.

В дверь постучали, и раздался голос Гао Цзиня: "Ваше величество, хотите, чтобы слуги вошли и зажгли лампы?".

Цзинь Ван не ответил.

Голос за дверью сделал паузу, а затем продолжил: "Молодой господин уже два часа стоит на улице. Ночь ветреная. Если он продолжит так стоять, его тело может не выдержать".

Цзинь Ван закричал: "Проваливай".

Он не выдержит, но все равно не придет и не признает своих ошибок, тогда он может продолжать стоять там. Пусть стоит там, пока не умрет, Гу не будет до него дела.

Очевидно, что он участвовал в заговоре с целью убийства Гу, поэтому Гу попытался заставить его рассказать о случившемся. То, что Гу не убил его, было уже добродетелью его предков.

В любом случае, Гу никогда не признает свою неправоту первым.

После нескольких мгновений тишины за дверью вдруг раздалась какофония звуков.

Затем раздался голос Гао Цзиня: "Ваше Величество, молодой господин упал в обморок!".

Цзинь Ван немедленно встал, открыл дверь и увидел нескольких слуг, поддерживающих Е Шу.

Цвет лица молодого человека был бледным, голова наклонена в сторону, он был без сознания.

Гао Цзинь опустился на колени. "Ваше величество, даже если вы сердитесь на молодого господина, нельзя вымещать на нем злость, пока она не станет смертельной. Что нужно сделать сейчас..."

Не успел он договорить, как Его Величество шагнул вперед, выхватил юношу из рук слуг и заключил его в свои объятия.

Цзинь Ван отнес Е Шу обратно в опочивальню, а затем перевел взгляд на Гао Цзиня, который все еще стоял на коленях в оцепенении, и спокойно сказал: "Что ты там все еще дурачишься? Вызови императорского лекаря".

"Да!"